

A woman with dark, curly hair, wearing a blue off-the-shoulder dress with gold embroidery and a gold earring, holds a blue fan with gold patterns. She is standing in a large, empty courtyard in front of the Palace of Versailles at sunset. The sky is a mix of orange and blue, and the palace's reflection is visible in the wet pavement.

Вероника Гуля

В ОБЪЯТИЯХ
СОЛНЦА

СТРАСТЬ, ВЛАСТЬ И ЯДЫ В ВЕРСАЛЕ

Вероника Гуля

В объятиях Солнца: страсть, власть и яды в Версале

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72225280

SelfPub; 2025

Аннотация

Короля окружало множество женщин: родственницы, племянницы, внебрачные дочери, фаворитки и попросту знатные француженки, которые выслужились перед Францией. Все они жили в тени абсолютной монархии, но кто из них управлял Францией из будуара?

Почему кузина короля отказалась выходить замуж за «глупого паралитика» Альфонсу VI?

Как Людовик XIV наказал фаворитку, когда она предпочла ему возрастного маркиза?

Что случилось бы с Анной Австрийской, если бы она развелась с Людовиком XIII?

Как кузина Монтеспан разоблачила её роман с королём?

С кем делила альков герцогиня де Лонгвиль – и почему эти отношения потрясли Фронду?

Почему Елизавета Пфальцкая называла жену короля «старой жабой»?

Почему племянница Людовика упала в обморок, увидев своего жениха?

Версаль – место придворных сплетен и интриг, где страсть становится главным оружием, а любовь – отравой.

Эта книга для тех, кто хочет заглянуть за ширму парадных портретов и увидеть реальный двор Солнца.

Содержание

Вступление	5
Анна Австрийская	7
Анна Мария Луиза Орлеанская	36
Маргарита Луиза Орлеанская	57
Анна Женеви́ева де Бурбон-Конде, герцогиня Лонгвиль	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вероника Гуля В объятиях Солнца: страсть, власть и яды в Версале

Вступление

Людовик XIV стал королём-легендой. Его стремление превратить Францию в ведущую державу Европу вызывали благоговение перед его врагами и подданными. В правлении Людовика XIV Франция расширила свои территории, был упорядочен дворцовый этикет, который нам, современным людям, кажется немного нелепым.

Людовика XIV обожали до исступления – и столь же ярко критиковали его враги как во Франции, так и за её пределами. Он превратил Версаль, собственное творение, в географический и символический центр французской монархии. Короля окружало множество женщин: родственницы, племянницы, внебрачные дочери, фаворитки и попросту знатные француженки, которые выслужились перед Францией. Все они жили в тени абсолютной монархии, но кто из них

управлял Францией из будуара? Кого обвиняли в колдовстве и отравлении? Кто умер от яда? Кто взлетел к вершинам власти и также стремительно упал?

Версаль – место придворных сплетен и интриг, где страсть становится главным оружием, а любовь – отравой.

Вокруг короля было много женщин. Эта книга – рассказ о сильных и хитрых женщинах в период Людовика XIV.

Мадам и месье, добро пожаловать в Версаль!

Анна Австрийская

Анна Австрийская родилась в 1601 году. Она была первым ребёнком испанского короля Филиппа III и урожденной эрцгерцогини Маргариты Австрийской. Уже при рождении Анна была наделена титулом инфанты Испании и Португалии. А почему тогда её называют Австрийской? Ведь в Австрии то она не была. Дело в том, что по матери она принадлежала к старшей императорской ветви Священной Римской империи. Потому, помимо титула инфанты, Анна получила титул эрцгерцогини Австрийской.

Анна была милой девочкой со светлыми волосами, голубыми или зелёными глазами и чуть выпяченной нижней губой – особенностью всех Габсбургов. Эта изюминка её весьма красила, хотя живописцы, льстившие внешности своих заказчиков, посчитали выпяченную губу лишней. Потому на портретах Анна изображена как вполне обычная девушка. Она была стройной, с приятными женственными формами и совершенно очаровательной. Говорили, что Рубенсу не приходилось прибегать к «ретуши», чтобы написать её портрет. А какие у неё были пальчики! Да-да, пальчики, которыми потом восхищалась королева Швеции Кристина, когда впервые увидела Анну Австрийскую в Париже.

В девятилетнем возрасте Анну сосватали за французско-

го дофина. Бурбоны и Габсбурги постоянно находились на пороге войны, соперничая за первенство в Европе. Политический брак помог бы остудить пыл обеих династий. Спустя четыре года союз скрепили перекрёстными браками: Анна Австрийская вышла замуж за будущего Людовика XIII, а младшая сестра Людовика XIII, Елизавета Французская, вышла замуж за будущего Филиппа IV Габсбурга. Обменяться невестами решили на Острове Фазанов, пограничной территорией между государствами.

Филипп III надеялся, что его дочь поможет интересам Испании при французском дворе. Удивительно, но не все Габсбурги радужно приняли этот союз, посчитав Анну предательницей. Её, 14-летнего подростка, которая не принимала это решение! «Нет большего злодея, чем французский король», – повторяли Габсбурги.

Но Анна была настроена решительно. С собой во Францию она взяла одежду, украшения, предметы интерьера, столовый сервиз и её любимый шоколад. Во Франции про шоколад тогда знали мало, а с приездом Анны он стал любимым тягучим напитком многих аристократов.

Сквозь осенние бури, дождь и грязь свадебная процессия с испанским двором Анны и обширным свадебным скарбом пробиралась на север: Драгоценности на ошеломляющую сумму в 61 000 дукатов, постельное бельё, столовое серебро и посуда, а также шесть дюжин льняных салфеток для мытья ног и три дюжины для чистки зубов – зубных щёток

тогда еще не знали – и 366 шелковых платков всех возможных цветов и цветовых сочетаний. Король Филипп проводил свою любимую дочь до границы, и когда пришло время прощаться, Анна, рыдая, прижалась к отцу.

Когда карета, везущая Анну Австрийскую, направлялась в Париж, Людовик XIII решил нарушить этикет, и мельком подглядеть как выглядит та, кого он будет обязан любить всю жизнь. Юный король был поражён. В жёны ему достался белокурый ангел.

А вот Анна не была в восторге от внешности своего суженного. У него было слишком длинное лицо, слишком острый нос, слишком большая голова и слишком широкие плечи. К тому же он немного заикался. Единственное, что в нем привлекало, – это его красивые волнистые каштаново-коричневые волосы, которые он упорно отказывался стричь. Говорят, потому и вошли в моду парики, чтобы походить на короля!

Людовик был одет в белый атлас для свадебной церемонии 25 ноября, а Анна едва не рухнула под тяжестью длинного пурпурного бархатного плаща, щедро отделанного горностаем и расшитого по всему периметру золотыми лилиями. Корона была слишком тяжела для головы подростка и грозила сползти на лоб.

Вероятно, что Анна Австрийская и Людовик XIII вполне смогли бы найти общий язык, если бы Мария Медичи, мать короля, не решила, что брак нужно консуммировать как

можно скорее, так как среди её советников было достаточно тех, кто был против брака короля Франции с испанской инфантой.

Дело в том, что если конsummации не было, то брак было достаточно легко аннулировать. Марии Медичи это было невыгодно. И есть несколько версий того, как проходила брачная ночь молодожёнов. Согласно первой версии, после пиршества придворные сразу же проводили молодоженов в супружеские покои, и Мария Медичи обратилась к невестке на своем резком, всё ещё фрагментарном французском: «Моя дорогая дочь, я привожу к тебе твоего мужа. Прими его ласково и люби всем сердцем».

Анна, которая почти не говорила по-французски, хотя вскоре овладела им без акцента, ответила по-испански, что её единственное желание – повиноваться мужу. Балдахины были задёрнуты, а повитухи клялись, что конsummация была завершена, хотя, скорее всего, это было не так.

По другой версии, молодые отправились по разным покоям, после пиршества, и, когда Мария Медичи зашла в покои своей спящей невестки, то удивилась, не обнаружив там своего сына. Королева-мать искренне верила, что новобрачные скрепляли союз брачной ночью. Тучная Мария Медичи яростно направилась в комнату молодого короля. Он сладко посапывал. Без всяких церемоний Людовика XIII чуть ли не за уши привели в покои молодой жены исполнить супружеский долг. Анна была в ужасе. Никаких напутствий или тёп-

лых слов от своей свекрови она так и не услышала.

Для достоверности в опочивальне оставили опытную женщину и лейбл-врача, которые контролировали весь процесс новобрачных. 14-летние супруги были напуганы и смущены. После такого конфуза Людовик XIII ещё четыре года избегал супружеского долга, навещая жену только ради приличия утром и вечером за легкой беседой. Что сказать, на его голове была корона, но это отнюдь не делало его мужчиной. Он был скорее ребёнком, подростком, наивным, застенчивым и боязливым.

Анна Австрийская чувствовала себя при французском дворе неуютно. Как можно влиять на короля и продвигать происпанскую политику, если муж обходит её стороной? Да и сам Людовик XIII не стремился выказать Родине жены почёт и уважение. Испанские дамы при Анне Австрийской были заменены на француженок по приказу короля. Во главе «свиты королевы» встала жена герцога де Люиня, Мария де Роан. Людовик выказывал к ней двусмысленные чувства, увлекшись, хоть и платонически, женой друга.

Именно придворные французские дамы помогли Анне освоится при дворе: сменить стиль платьев на более декольтированные, которые Анна терпеть не могла, выставя свои груди напоказ, научили королеву флиртовать в рамках приличия и вести светские беседы. А как ещё женщина могла преуспеть в политике? История Франции делалась на галантных похождениях, флирте и фаворитках.

Положение Анны долгое время было шатким. Она так и не подарила династии наследника. От королевской четы с замиранием сердца ждали дофина. Но сперва королю следовало преодолеть свой страх перед собственной женой. Важность дела понимал и приближенный короля, миньон герцога Шарль д'Альбер де Люинь.

Миньон – от французского слова маленький или милый. Фактически – фаворит короля, который мог капризничать, гримасничать, одеваться, как король, что было большой честью, и даже спать с Его Величеством в одной кровати. Однако, такие тесные отношения между королевской особой и его миньоном по большей части были лишь платоническими.

Именно Шарль д'Альбер некогда объяснял совсем юному Людовику XIII всю суть супружеских взаимоотношений. По одной из версий, Люиню ну никак не нравилось, что король ещё сильнее робел перед его женой Марией. Герцог показывал наглядные картинки полового акта между мужчиной и женщиной и даже, по слухам, смог уговорить Кристину, младшую сестру короля, подглядеть за их первой ночью с её новоявленным мужем, герцогом Савойским.

По итогу Люинь вытолкал своего государя в покои Анны Австрийской, которая благодаря своим новым фрейлинам стала больше походить на француженку.

25 января 1619 года французская газета опубликовала радостную новость об окончательном завершении брака меж-

ду Людовиком XIII и Анной Австрийской. Ведь это было делом государственной важности! Людовику так понравилось новое «ремесло», что следующий месяц стал «медовым». И между супругами даже возникла привязанность, но временная.

Несмотря на тщательные старания королевской четы наследника так и не было. Анну преследовали выкидыши. После очередного выкидыша король даже запретил Анне ехать в Испанию на похороны отца и коронацию своего брата. Для него она была не женщиной, не женой, а лишь сосудом для будущего наследника.

По традициям того времени во всём винили женщину. Но однажды, королева действительно повела себя слишком легкомысленно. Будучи в положении, Анна бегала и каталась по мокрому скользкому полу вместе с Марией де Роан. Случайно Анна оступилась и неудачно упала на живот. Она потеряла ребёнка. Людовик во всём обвинил неосмотрительную королеву и легкомысленную Марию де Роан. Супруги снова отдалились. Марию отослали от двора, но вскоре она смогла реабилитироваться. Да и траур по мужу, внезапно скончавшемуся герцогу де Люиню, она носила лишь пять месяцев. Она вышла второй раз замуж за герцога де Шеврёза.

Интересен факт, что при разводе, который тоже обсуждался из-за бездетности супругов, Анна Австрийская не осталась бы ни с чем. Удивительно, но чопорная Испания со строгим этикетом признавала, что женщины отлично могут

руководить страной.

Вероятно, что Анна Австрийская могла бы стать штат-гальтером испанских Нидерландов, где сейчас находится современная Бельгия. Из примеров: Маргарита Австрийская, дочь Максимилиана I и Мария Австрийская, сестра Карла V, и Маргарита Пармская, внебрачная дочь Карла V, испанская инфанта Изабелла Клара Евгения Австрийская и другие женщины семьи Габсбургов.

Многие мужчины при дворе по достоинству могли оценить красоту французской королевы. Несмотря на свою набожность, привитой ей в чопорной и строгой Испании, Анна была романтической кокеткой. Она была весёлой, жизнерадостной, но всё же с железной дисциплиной, привитой ей в Испании. Порой, у неё проскальзывали вспышки гнева, но учитывая политическую обстановку и холодность мужа, пожалуй, это были мелочи. Мадам де Мотвиль пишет, что к ней ухаживали герцоги Бельгард, Монморанси, а также легендарный Джордж Вильерс – герцог Бекингем. Со временем она научилась искусству легкого флирта и галантности. Во Франции это называли «куртуазной любовью» – термин, который появился ещё при Алиеноре Аквитанской в XII веке.

«Её улыбка покорила тысяча сердец», – написала мадам де Мотвиль, фрейлина королевы Анны Австрийской.

Супруги были очень разными. Если Анна была озорной кокеткой, то Людовик замкнутым меланхоликом. Он любил охоту, ремесла и варить варенье. С возрастом его инфан-

тельность никуда не пропала. С ранних лет постоянно страдал от приступов слабости, болел хроническим воспалением тонкого кишечника, а позже – туберкулезом. Всё это поощрялось беспомощными врачами, которые за один год сделали ему 47 кровопусканий, 112 доз сильных слабительных и 215 клизм.

Анна писала домой: *«Я самая покинутая и несчастная женщина в мире»*. Но от её отца в Испании не последовало никаких утешений, только совет попытаться родить наследника престола. Пока Анна оставалась бездетной, у неё не было ни одного козыря в руках. Людовик стал её игнорировать. Он навещал её лишь для того, чтобы исполнить супружеский долг. На многих мероприятиях Анне было запрещено появляться. Людовик считал, что таким образом он наказывает жену за бездетность. А что видим мы? Инфантильный король с пассивной агрессией к прекрасной жене, которая пользовалась большой популярностью у народа.

26 февраля 1623 года балетный вечер в Лувре вызвал скандал. Генрих Монморанси, в перерыве между двумя танцевальными номерами, прочитал помпезный апофеоз Юпитеру, завершив речь фразой *«Я бы хотел хоть на один вечер стать Юпитером»*, и посмотрел на Анну Австрийскую. Несчастливая королева залилась алой краской, а король побагровел от злости! Монморанси был изгнан, ведь его привязанность к королеве переходила все грани приличия. Он носил её миниатюру и сделал в своём доме подобие алтаря Анны

Австрийской.

В 24 года Анна Австрийская по-настоящему испытала душевный трепет. Она влюбилась. Нет, своего супруга она тоже пыталась полюбить, правда пыталась! Но холодный Людовик отталкивал Анну от себя, несмотря на её красоту, мягкость и очарование.

В мае 1625 года сестра Людовика XIII готовилась выйти замуж за Карла I, английского короля. Удачная партия для французской принцессы. Мария Медичи старалась дать каждому ребёнку по короне.

От английского двора в качестве посредника на бракосочетании выступил лучший друг короля – Джордж Вильрес, известный нам как герцог Бэкингем.

Джордж родился в 1592 году. Многие считали, что он стал истинным фаворитом короля Якова I Стюарта. Неизвестно какие именно отношения связывали двух мужчин, но об одном можно сказать наверняка: Яков относился к Бэкингему ревниво, одаривая его всевозможными милостями. А вот своего родного сына, Карла, Яков I не любил. Почему? Неизвестно.

Характер Якова вполне мог сформироваться из-за тяжелого детства: он был сыном шотландской королевы Марии Стюарт, которая одно время была королевой Франции, и вполне могла претендовать на английскую корону. В ходе сложных интриг голова Марии оказалась на плахе, а Яков стал королём Шотландии и наследником главной противни-

цы своей матери – Елизаветы I.

Наследником Якова I считался его старший сын Генрих. Он был примером наследника: сильный, смелый, ловкий, мудрый. Карл же был болезненным ребёнком, который терпел насмешки отца. Как только скончался Генрих, Карл, к сожалению Якова, стал новым наследником. Бедного хилого мальчика взял под крыло герцог Бэкингем. Он был старше Карла на восемь лет. Как только Карл взошел на престол, то на герцога Бэкингема, как из рога изобилия, посыпалась королевская милость.

Джорджа Бэкингема можно считать самым влиятельным человеком при английском дворе. У него была жена и четверо детей. Но это не помешало Джорджу очароваться молодой белокурой королевой Франции, которая сопровождала Генриетту-Марию, сестру Людовика XIII, к границе Франции и Англии.

Анна была удивлена. Английским провожатым был статный и харизматичный красавец. В отличие от её холодного мужа, Бэкингем не казался стыдливым человеком. Он не стеснялся своей скандальной репутации, которая преследовала его попятам.

Коварная герцогиня Шеврез, в которую когда-то был влюблён король, в этот момент была рядом с Анной Австрийской. Невозможно было избавиться от этой чертовки надолго, несмотря на ссылки за пределы Парижа. Именно эта интриганка подстроила встречу королевы и герцога Бэкин-

гема в садовой беседке, пока в Амьене все отмечали отъезд Генриетты-Марии. К тому же наверняка известно, что Мария была любовницей друга Бэкингема, графа Ричарда Холланда.

Джордж позволил себе лишнего, королева случайно вскрикнула. «На помощь» сбежалась прислуга и придворные. Чуть растрепанная Анна готовилась к предстоящим слухам. Принцесса Конти язвительно заявила: *«я ручаюсь за добродетель королевы ниже пояса, но не выше»*. Имея ввиду, что Бэкингом, видимо, потрогал грудь Анны Австрийской. На следующий день Анна слегла, а Бэкингом, невзирая на этикет, ворвался в её покои и на глазах изумлённой публики целовал её нежные пальчики.

Людовик, узнав об этом, устроил строгий суд. Все придворные, которые в тот роковой вечер были на службе и, следовательно, имели приказ сопровождать королеву и следить за ней, были уволены. Король не обменялся с Анной ни единым словом.

Так, а что там с алмазными подвесками? Или Дюма их выдумал? Подвески были. Людовик XIII действительно подарил подвески Анне Австрийской, а та подарила их Бэкингему. Чем она думала? Остаётся только догадываться. Видимо, королева надеялась, что король не заметит отсутствие подаренного ей украшения.

Кстати, эти подвески не являлись ожерельем, вопреки всеобщим предположениям. Дюма представил нам подвески

как алмазное украшения на голубом банте. Но на самом деле подвески представляли из себя красивый наконечник шнурков. Художник Рубенс изобразил портрет Анны Австрийской в зеленом платье, на талии которого видны похожие шнурки.

Так как драгоценные шнурки не были главным предметом в образе королевы, то Анна Австрийская вполне могла подарить их Бэкингему в качестве сувенира.

В то время у Анны был серьезный противник в лице кардинала Ришелье. У кардинала была большая сеть своих шпионов, и прежде всего под прицел попала именно Анна Австрийская. Мудрый и проворный кардинал знал: королева – та ещё интриганка! Ришелье предполагала, что Анна будет служить на благо своей Родины – Испании, а не Франции. Шпионы перехватывали письма Анны Австрийской, адресованные её отцу и брату. Людовик был в ярости. Его предали.

Королевским указом Анне было запрещено писать кому-либо письма без присутствия старшей фрейлины. Потому королева решила подарить герцогу Бэкингему подвески в качестве знака своей любви. Писать письма она не могла. А подвески, вероятно, передала через своего человека. Ведь разве могла королева подвергнуть себя такому риску, если бы её поймали с поличным? И ладно, если бы её фаворитом был какой-нибудь французский принц, но иностранный герцог с королевой Франции... Было слишком опасно.

Весь тайный роман испортила Люси, графиня Карлайл.

Можно считать, что она была прототипом миледи де Винтер из рассказа Дюма. Люси была видной дамой при английском дворе. Она была красивой, очаровательной, но хитрой чертовкой. Графиня была влюблена в герцога Бэкингема, а тот испытывал любовь к Анне Австрийской. Графиня Карлайл ревновала. Она почувствовала себя отвергнутой и брошенной женщиной. Бэкингом уже успел воспользоваться добрым расположением графини.

Из мести бывшему возлюбленному, графиня Карлайл стала работать на кардинала Ришелье. Именно она донесла кардиналу о неких подвесках Бэкингема, подаренных ему королевой Франции. В качестве доказательств Люси срезала подвески с герцога Бэкингема и показал их Ришелье. Тот был счастлив. В своих руках он держал компрометирующие доказательства против Анны Австрийской. Своим успехом кардинал поделился с Людовиком XIII. Бедный король, он наконец-то осознал, что его обвели вокруг пальца. Все эти данные о подвесках были взяты из мемуаров Ларошфуко, который являлся главным противником кардинала Ришелье.

Вскоре герцог Бэкингем был убит. Анна Австрийская горевала. Делала она это тайно. После вероятного супружеского адюльтера её отношения с мужем стали окончательно холодны. Как сказал Людовик XIII: *«Можно простить измену короне, но не королю»*.

В то время, ко всему прочему, стали напряженными отношения между Францией и Испанией. При французском дво-

ре на Анну смотрели как на испанскую принцессу. Ей было обидно. Королева отвергала мысль, что в её душе осталась некая испанская часть. Да, она любила испанский шоколад, пить испанские напитки со льдом, поздно ложилась спать и поздно вставала. Вместо французской еды королева больше предпочитала испанскую: олью подрида – тушеное мясо с овощами, котлеты, сосиски и наваристые бульоны. Но Анна Австрийская гордилась тем, что стала француженкой!

Для полной власти ей не доставало сына. Анна Австрийская перенесла четыре выкидыша и прожила с Людовиком XIII более 20 лет, прежде чем на свет появился наследник, а спустя два года – его младший брат.

Не все верили, что спустя столько лет брака Анна смогла зачать ребёнка от короля. Ведь отношения супругов не ладились, а Людовик XIII избегал супружеского долга.

Однако, дождливая ночь 5 декабря 1637 года изменила ход истории. В это время Людовик XIII направлялся в Сен-Море-де-Фоссе. Чтобы избежать сильной грозы король остановился в Лувре, куда на зиму переехала Анна Австрийская. Но вот незадача, системы отопления были несовершенны и отапливали только те комнаты, которые занимали члены королевской семьи или же аристократы.

У Людовика не было выбора, кроме как лечь в кровать к собственной жене, дабы и вовсе не околеть на ледяном фламандском кружеве в соседних покоях. Видимо, капельки дождя по крыше замка навеяли романтическую обстановку на

королевскую чету, и спустя девять месяцев на свет появился долгожданный наследник, будущий Людовик XIV.

На родах 37-летней королевы присутствовали все аристократы, желающие запечатлеть грандиозное событие. Знатных особ было так много, что они буквально толпились и тратили кислород в душном помещении Сен-Жерменского дворца. К несчастью, титулованные особы не могли позволить себе уединенные роды. По устоявшимся традициям на родах должны были быть свидетели. Чем больше – тем лучше. Наличие аристократов в покоях роженицы исключало замену ребенка. Например, вдруг родился мертвый мальчик, а его заменили на живого, или родилась девочка, а её подменили на мальчика.

«Разве такое возможно», – спросите вы. Конечно. В XVI веке Бьянка Капелло подменила ребенка, взяв у служанки, представив своим. Она была фавориткой герцога Тосканы Франческо I. Наличие ребенка помогло ей стать женой герцога. Спустя время Бьянка сама призналась мужу в обмане.

Но Анна Австрийская не шла ни на какие уловки. В день её родов на дворе была теплая осень – начало сентября. Окна открывать было запрещено. Согласно устоявшимся традициям, комната роженицы должна была напоминать матку, потому в помещение было темно и душно.

Роды принимал главный врач королевы меcье Бувуар и акушерка мадам Перрон. Так как ребёнок находился в неправильном положении, то момент был волнительным. Не

случится ли чего? Всю ночи до полудня Анна испытывала тяжести, прежде чем родить розовощёкого дофина. Шведский посол потом написал: *«ни одна нация так не радовалась наследникам, как во Франции»*.

Лишь один Людовик XIII несколько недель ходил огрызался на королеву. Подумать только, он хотел поскорее уехать в Пикардию, а его супруга всё не могла разродиться! Когда он увидел слабую и бледную Анну, то бесстрастно посмотрел на её и сказал *«надеюсь, хотя бы ребёнка удастся спасти»*.

Глашатаи немедленно помчались к Сене сообщить парижанам радостную новость. Так как мост к Сене был разрушен, то договорились заранее: если девочка – глашатаи понуро скрестят руки на груди, а если мальчик – будут размахивать шляпами. Это был самый настоящий национальный праздник всей Франции.

Через пару лет родился Филипп, будущий герцог Орлеанский. Наконец-то Анна Австрийская могла выдохнуть спокойно. Все 23 года брака она опасалась одного: что французский король разведется с ней из-за отсутствия детей. А кому нужна испанская инфанта, которая не сможет продолжить род?

Слухи не застали себя долго ждать. По Парижу гуляли нелицеприятные памфлеты касаясь законности дофинов, а Анну Австрийскую выставляли безнравственной женщиной. Некоторые считали, что отцом наследника мог быть карди-

нал Джулио Мазарини, который к тому времени ещё даже не был при дворе.

Другие же говорили, мол, есть один знатный месье граф де ля Ривьер, и он однажды приглянулся королеве, потому кардинал Ришелье беспардонно привёл его в покои Её Величества. Сомнительно, не правда ли? Были версии, что отец Людовика XIV, это некий бастард Генриха IV. Ведь у Генриха было много побочных детей, а встреча Анны и Людовика в грозу была слишком «случайной», что была похожа на подстроенную.

Остальные практически верили, что «богоданный» будущий Людовик XIV на самом деле является Людовику XIII не сыном, а дядей. Мол, Богом данным Людовик вышел из тела королевы, а какой дьявол его туда поместил? Может быть Гастон Орлеанский, брат короля? На самом деле Гастону было бы выгоднее, если бы у Людовика XIII вообще не было детей или, на худой конец, родилась девочка. Тогда бы именно Гастон стал следующим французским королём.

Одно мы знаем точно: Король-Солнце – это сын Людовика XIII или же его единокровного или полнородного брата. По крайней мере современная экспертиза показала, что Людовик XIV и Генрих IV (отец Людовика XIII и Гастона Орлеанского) являются родственниками.

«Богоданным» Людовика XIV прозвали неспроста. Брат Фиакр, парижский аббат, однажды предсказал беременность Анны Австрийской. Якобы Дева Мария явилась аббату 3

ноября 1637 года и поведала, что Анна Австрийская сможет забеременеть, если будут выполнены три новенны в соборе Нотр-Дам, церкви Нотра-Дам-де-Виктуар и в прованском часовне комунны Котиньяк Нотр-Дам-де-Грас. Примечательно, что Котиньяк был весьма старым местом.

Считается, что ранее здесь были обширные языческие строения, где проводились почитания богинь плодородия и деторождения. С приходом христианства Котиньяк был преобразован в место почитания Пресвятой Девы Марии.

Королева хоть и поверила Фиакру, но в Котиньяк не поехала. Это сделал за неё аббат, совершив паломничество со своим помощником. И хоть всё это кажется невероятным, но сама Анна Австрийская охотно верила, что в её преклонном возрасте (для того времени) наконец-то случилось чудо.

Рождение наследников не смогло поселить в сердце короля любовь к жене. Людовик XIII ревновал своих детей к Анне Австрийской, так как те предпочитали общество мамы, нежели грубого отца. Наличие сыновей изменило королеву. Это заметили не сразу. Из интриганки, готовой предать Францию, Анна стала мудрой и осторожной матерью. Теперь ей было что терять.

В своих детях королева не чаяла души. Людовику и Филиппу многое прощалось из-за великодушия своей матери. Многие обвиняли Анну Австрийскую в излишней привязанности к собственным сыновьям.

Однако, Анна была не только пряником, но и кнутом. Од-

нажды Людовик сильно разозлил свою матушку, на что она грозно ответила: *«Я вам покажу, что у вас нисколько нет власти, а у меня она есть! Порки в Аменье устраивают так же часто, как и в Париже»*. На что маленький Людовик со слезами на глазах бросился к ногам матери просить прощения. Анна Австрийская улыбнулась. Она поцеловала сына в лоб и отпустила. Долго злиться на своё чадо она не могла.

Когда однажды 9-летний Людовик заболел, то королева не отходила от его кровати день и ночь. А после его выздоровления сама слегла в непродолжительной горячке от нервного срыва.

Она была совсем иной матерью, не свойственной королевским особам. Сама воспитывала детей, не отдавая их полностью на попечение няням и гувернанткам. Королева позволяла сыну называть её «мама», а не «мадам», как было положено по этикету. В то время считалось, что «мамой» могут называть только в крестьянских семьях.

«Она с большим удовольствием играет с Людовиком и берет его в свою карету, когда хорошая погода; это её самое большое удовольствие в жизни», – сказала служанка Анны Австрийской.

Близостью Анны Австрийской и её сыновей поражались многие придворные. К примеру, королева любила просыпаться в 10-11 утра. По королевским меркам это было весьма поздно, но Анна апеллировала тем, что это её испанская

привычка. Людовик с самого утра врывался к своей матери в покои. Будто знатная дама, он подавал королеве дневную рубашку. Анна смеялась. Ей это казалось забавным.

В её спальне стояла специально заказанная детская мебель. Для Людовика это было зеленое бархатное креслице с позолоченными гвоздями, а для его младшего брата некое подобие красных бархатных ходунков.

Анна Австрийская составила свод правил для юного Людовика. Например, она рекомендовала сыну спать при прохладном воздухе. Людовик засыпал при пении своей няни или гувернантки. Эту идею Анна Австрийская подчеркнула у Платона, который сравнивал ребёнка с юным жеребцом.

Молодого короля приучали спать не при полной темноте, а при горящем свете. Королева-мать считала, что так Людовик не испугается, если вдруг резко станет светло. Например, когда утром слуги откроют ставни. В плане гигиены это было: постоянно подстригать золотистые локоны Людовика, следить за чистотой рук и ногтей и часто купаться.

Так как Франция находилась в постоянных конфликтах с Испанией и Англией, то король должен был изучать провинциальные территории этих стран на случай завоевания. Написаны книги были на французском языке. Хотя читать король не любил. Ему больше нравилось охотиться и бегать за утками со своими собаками. А тут какие-то завоевания, видите ли...

«Король всегда удивляет меня, – рассказывает мадам де Ментенон в Сен-Суре, – когда он говорит мне о своем образовании. Его гувернантки сплетничали весь день и оставили его на попечение своих служанок, не удостоив своим вниманием молодого дофина».

Служанки предоставили его самому себе, и однажды его нашли в бассейне фонтана в Пале-Рояле. Одним из его самых больших удовольствий было рыскать по кухне со своим братом, маленьким Месье.

«Он ел все, что попадалось ему под руку, не обращая внимания на его полезность. Если они жарили омлет, он отламывал кусочек, который они с Месье поглощали в каком-нибудь углу».

Однажды, когда два маленьких принца таким образом засунули пальцы в приготовленные блюда, повара нетерпеливо отогнали их ударами кухонных полотенец.

Единственное, что вызывало у Людовика интерес – это военные кампании в действии. Золотые и серебряные солдатики приковывали внимание юного короля. Ведь искусство войны являлось настоящей профессией того, кто правит государством.

Несмотря на все старания Анны Австрийской быть хорошей матерью и женой, Людовик XIII её не только не любил, а открыто презирал. Уже на смертном одре, 20 апреля 1643 года, король подписал документы о регентстве. И, о ужас, регентом при будущем Людовике XIV была назначена не его

мать, а регентский совет.

Анне Австрийской же достался лишь один голос регентского совета. Королева побледнела. Аристократы в комнате напряглись. Сие решение короля показывало, насколько он не доверяет своей супруге. Униженная королева бросилась к изголовью мужа. Людовик XIII холодно попросил королеву встать. Общее смущение усилилось, когда король заставил Анну Австрийскую подписать его завещание.

Но это не основная версия событий. Кто бы мог подумать, что в таком важном вопросе как «завещание» источники расходятся! И по многим другим заверениям, Людовик всё же назначил Анну регентом при сыне. Как бы то ни было, Людовик XIII ушёл из жизни с грузом презрения к собственной жене. Ну, а жизнь 42-летней королевы-матери продолжалась.

Королева быстро отменила завещание своего почившего супруга, став единственной регентшей при Людовике XIV, благодаря согласию парламента и брачному договору. В брачном договоре было прописано, что если Анна родит сына, то станет регентшей, если король умрет раньше неё. Анна величаво входила в зал парламента вслед за сыном. Юный Людовик XIV нервно поглядывал на свою матушку, ожидая от неё распоряжений.

Прошло чуть более двух лет после смерти Людовика XIII, но Анна Австрийская по-прежнему была облачена в чёрное. Ей невероятно шло чёрное платье и полупрозрачная чёрная

вуаль, за которой виднелись огромные бриллиантовые серьги, а на её груди располагался большой крест – будто напоказ.

Король готовился произнести вступительную речь, как ребёнок, который переживает, выступая на стульчике перед воспитателем. По сигналу королевы-матери Людовик начал говорить. Движения, слова – всё было отрепетировано до мельчайших деталей. Зал аплодировал. Из-под вуали Анны Австрийской виднелась её еле заметная улыбка. Она испытывала триумф и гордость за сына.

Главным советником королевы-матери стал кардинал Мазарини, мужчина, младше её на один год. Говорили, что он отдаленно напоминал королеве-матери герцога Бэкингема. Слухи об их связи ходили уже давно. Вероятно, что Мазарини и Анна Австрийская заключили тайный брак.

Почему же все говорили про тайный брак? Дело в том, что Анну и Мазарини, вероятно, связывали интимные отношения. А так как королева-мать была набожной женщиной и часто причащалась, то фактически, как католичка, поступала весьма лицемерно. Тайный брак помог сделать их отношения в глазах Бога законными.

А разве может кардинал жениться? Да, если он не принимал сан священника, а лишь имел церковный статус – более редкое положение. Об этом писала в своих мемуарах Елизавета Шарлотта Пфальцкая, жена младшего брата Людовика XIV. Как видите, было бы желание, а лазейка всегда найдёт-

ся. Однако тайный брак не был обнародован. Кардинал был ей неровней. Морганатический брак с юридической точки зрения был возможен, но что подумают подданные? Не упадет ли репутация Анны Австрийской, испанской инфанты и королевы Франции, в глазах народа? Вероятно, так бы и случилось.

Отношения Мазарини и Анны Австрийской были вполне гармоничными. Наконец-то у Анны появился друг, настоящий советник и крепкое мужское плечо. И как бы Анна не отпиралась касаясь её близких отношений с кардиналом, все её клятвы моментально казались смешными, когда Мазарини позволял себе вольности в диалоге с королевой-матерью.

Когда под конец жизни Мазарини болел, то Анна, нарушив все правила этикета, предоставила кардиналу апартаменты рядом со своими собственными. Невестка Людовика XIV, принцесса Пфальцкая, уверенно писала в своих мемуарах, что в Пале-Рояле существовал тайный ход, через который Мазарини навещал Анну Австрийскую.

Мазарини болел гнойным плевритом. Его болезнь ухудшилась из-за внезапно вспыхнувшего пожара в Лувре. Дым ещё сильнее повредил лёгкие кардинала. Ему было трудно дышать и говорить. 9 марта 1661 года Мазарини скончался в возрасте 68 лет, а Анна Австрийская навсегда потеряла близкого ей человека.

Анна продолжила быть верной советчицей для своего сы-

на. Она была создана для короны. Но кроме бремени власти Анна любила баловать себя приятными ароматами, красивыми украшениями и удобной одеждой.

В высших кругах было принято менять ночные рубашки каждый день. Это было символом чистоты, как в наше время 1-2 раза в день сходить в душ. Ведь понятие чистоты в XVII веке было совершенно иным. У Анны Австрийской было много ночных и дневных рубашек. Во время её правление страну постигла Фронда – фактически, восстание аристократов, буржуазии и принцев крови против абсолютизма и Анны Австрийской с кардиналом Мазарини.

В один из таких смутных дней Анна была вынуждена бежать в Сен-Жерменский дворец. Королева-мать сетовала, что у неё была всего одна ночная и одна дневная рубашка. Служанки стирали их попеременно. Немыслимо, Анна Австрийская ждала 10 дней, пока ей доставят все её рубашки для комфорта.

Словом, это не единственные прихоти королевы. Каждое утро она любила наблюдать на столе свежий букет цветов. Около дворца были специально разбиты оранжереи. И не дай Бог, чтобы это оказались розы! Ведь королева страдала идиосинক্রазией – так современная психиатрия называет заболевание неприятия чего-то. Это чем-то схоже с аллергическими реакциями, только наружно никак не проявляется. Скорее психически: страх, отвращение, на худой конец – обморок.

Однако, Анна Австрийская очень любила другие ароматы. Она с удовольствием принимала у себя именитых парфюмеров, которые пытались превзойти друг друга, чтобы сыскать милость королевы. Купцы привозили ароматные безделушки, вроде сандаловых фигурок или шариков из овечьей шерсти, пропитанные душистыми маслами. Такие очень любили носить женщины Ближнего Востока.

Под конец своей жизни Анна стала болеть. В 1664 году королеву настигла опухоль около молочной железы. Людовик XIV до последнего отрицал болезнь матери, как что-то немыслимое. Ему было даже страшно подумать, что потеряет единственного человека, которому безраздельно доверял.

Архиепископ Оша сказал королю: *«Сир, нельзя терять ни мгновения; Королева может скончаться в любой момент; её следует проинформировать о её состоянии, чтобы она могла подготовиться к принятию причастия».*

Король был обеспокоен, так как очень любил свою мать. *«Мсье, – ответил король взволнованно, – я не могу удовлетворить вашу просьбу. Моя мама спокойно отдыхает и, возможно, думает, что она вне опасности. Мы можем нанести ей смертельный удар».*

Королеву-мать лечил знаменитый врач месье Жандрон. Однако, с опухолью четыре столетия назад совершенно не умели бороться. Опухоль вырезали, но осталась незаживающая рана. Рана начала гнить. Анна Австрийская стала исто-

чать неприятный запах. Она страдала. Но её страдания были больше моральные, ведь все придворные стали сторониться больной и стареющей королевы, которая пахнет гноем. Драгоценные курение из её коллекции ароматов не сильно помогли перебить запах. Но Анна приняла всё смиренно. Она считала, что это ей божье наказание за то, что она так сильно ценила свою превосходную красоту.

Ночью она принимала опиум, чтобы хоть как-то унять страдания. Оба сына неотрывно сидели у постели матери, но было понятно и без врачей – королеве-матери осталось недолго. Однажды утром она сказала «мои пальцы распухли, пора уходить». Анна понимала, что умирает. Она позвала сыновей и просила их говорить по очереди. Людовик, рыдая, произнёс: *«посмотрите на мою мать, она никогда не была так красива, как сейчас».*

Анна Австрийская скончалась в 64 года в 1666 году. Она была первой и самой главной женщиной в жизни Людовика XIV. Она была похоронена вместе со своим мужем, Людовиком XIII, в церкви Сен-Дени. Осенью 1793 года, когда Мария-Антуанетта была гильотинирована, гробницы королей и королев были вскрыты, их кости выброшены на улицу и растоптаны в пыль ликующей толпой.

«Природа была ответственна за первые узлы, которые связали меня с моей матерью. Но привязанности, возникшие позднее благодаря общим качествам духа, разорвать гораздо труднее, чем

привязанности, сформированные просто кровью», –
сказал Людовик XIV о своей матери.

Память об Анне Австрийской и по сей день живёт на страницах истории. Её связь с Испанией, трудные отношения с мужем, тайный брак с Мазарини и тайный роман с Бэкингемом будоражат умы читателей. Французский историк Клод Дюлонг, автор самой полной биографии Анны Австрийской, считает, что без её вмешательства и правления нынешняя Франция выглядела бы гораздо хуже. А её сын, Людовик XIV, называл её величайшей королевой Франции. На самом деле перевод гласит, что он назвал её «королём», вероятно, сделав это специально, подчеркнув, её важность. Ведь королев во Франции было много, но из-за салического права ни одна из них не была королевой в собственном праве. Анна Австрийская тоже не была королевой по праву рождения. Но благодаря регенству она показала, что удел как женщин, так и королев, не только рожать наследника.

Анна Мария Луиза Орлеанская

Анна Мария Луиза Орлеанская, известная как Великая Мадемуазель, родилась 29 мая 1627 года в Луврском дворце в Париже. Она была единственной дочерью Гастона Орлеанского, младшего брата короля Людовика XIII, и его первой жены Марии де Бурбон, герцогини де Монпансье. Её мать была красивой блондинкой с кротким «лицом овцы» и с характером, хорошо подходящим к её лицу. Она была очень мила и очень покладиста.

Отец Анны Марии Луизы был человеком с расшатанными нервами, нерешительным, слабым в цели, он создавал мечты, в которых он фигурировал как доблестный и воинственный рыцарь, всегда начеку, всегда всемогущий герой героических подвигов. Он обманывал себя мыслью, что он настоящий принц, типичный крестоносец древних дней.

В 1626 году, когда у Людовика XIII не было детей, его брат Гастон был предполагаемым наследником престола, а он был холостяком. Ум Месье крепко ухватился за идею, что он должен жениться либо на королевской принцессе, либо ни на ком другом. Мария Медичи предложила ему брак с богатейшей наследницей Франции, мадемуазель де Монпансье, но он попытался уклониться от её предложения.

Позднее он согласился жениться, если получит значитель-

ные финансовые выгоды. 18-летний юноша торговался, словно матёрый мужчина. Наконец, он получил герцогства Монпансье и Шартр, графство Блуа и денежные выгоды, которые увеличили его доход до суммы в миллион ливров.

В октябре 1626 года Мария де Бурбон прибыла в Лувр, в Париж, где они с Гастоном имели собственные апартаменты. Всех ждала невероятная новость – Мадам беременна! Поскольку прямого наследника короны не было, это событие имело огромное значение. Народ бросился к счастливой принцессе, которая смело говорила, что собиралась родить будущего короля Франции. Хоть она и была степенной и скромной, её собственное состояние вскружило ей голову. Она выставляла напоказ свои надежды.

У Людовика XIII тогда не было детей и после него первыми в очереди на трон стоял Гастон и его нерожденное дитя. Но это оказался не мальчик. Салическое право во Франции не позволяла женщинам носить корону в собственном праве. А Ришелье понимал, что Гастон был бы ужасным монархом из-за низкой морали.

А через семь дней после рождения умерла мать столь желанного ребёнка. Родовая горячка не щадила даже королевских особ. Месье сделал именно то, чего от него можно было ожидать: он громко заплакал, тут же вытер слезы и окунулся в разврат. Это была его натура.

При рождении Анна Мария Луиза Орлеанская получила титул «Мадемуазель», как старшая незамужняя дочь Орле-

анского дома, и унаследовала огромное состояние матери, включавшее несколько герцогств и княжеств.

Когда её мать скончалась при родах, Анна Мария Луиза стала одной из самых богатых наследниц Франции уже в младенчестве. По отцу принцесса приходилась двоюродной сестрой будущему королю Людовику XIV.

Мадемуазель была размещена с королевской пышностью в Тюильри. По её собственным словам: *«Они создали мой дом и дали мне экипаж, намного более роскошный, чем когда-либо имела любая дочь Франции».*

Будучи высокой женщиной с аристократической осанкой, Анна Мария Луиза Орлеанская не слыла классической красавицей – современники отмечали у неё крупный бургундский нос и неплохое состояние зубов. Тем не менее, по положению и богатству она считалась весьма завидной партией не только в королевстве, но и во всей Европе.

Детство и юность Анны Марии Луизы прошли при дворе французского короля. После смерти матери девочку взяла под опеку сама королева Анна Австрийская, и маленькая принцесса воспитывалась в окружении королевской семьи. Её обожали дядя Людовик XIII и Анна Австрийская, которые часто навещали племянницу и баловали подарками.

Будучи наследницей колоссальных богатств и принцессой крови, юная Мадемуазель росла немного высокомерной и привыкла к повышенному вниманию. У неё был целый штат камердинеров, оруженосцев, служанок, фрейлин и другой

орды свиты. Она была любимой внучкой Марии Медичи и сильно была привязана к отцу. Потому, когда Гастон Орлеанский вновь пошёл наперекор семьи и женился в 1632 году на Маргарите Лотарингской, Анна Мария Луиза приревновала.

С детства Анна отличалась гордым характером и острым умом. В возрасте 11 лет она даже мечтательно называла новорождённого Людовика XIV своим «маленьким мужем», когда Анна Австрийская шутливо пообещала выдать её замуж за собственного сына-короля, как только тот подрастёт. Кардинал Ришельё, узнав об этих забавах, пришёл в ужас – перспектива того, что дочь непокорного Гастона может стать французской королевой, казалась ему опасной. По легенде, Ришельё отчитал девочку за дерзость и на время удалил её из Парижа.

Унаследованные титулы и родство с короной предопределили для Анны богатый выбор женихов – по крайней мере, так могло показаться. В реальности всё сложилось иначе. Одним из первых претендентов на её руку был юный принц Уэльский Карл Стюар, будущий король Англии Карл II, который с 1646 года жил в изгнании во время Английской революции. Несмотря на королевскую кровь кавалера, Анна Мария Луиза сочла этого принца-изгнанника неподходящей партией – она не захотела рисковать своим состоянием ради сомнительной возможности когда-нибудь стать английской королевой.

Как она позже признавалась, будучи с детства окружённой роскошью, перспектива лишиться всего по воле случая её сильно пугала. И это было логично! Мало кто верил, что Карл когда-нибудь сможет стать королём, а жить в изгнании, скитаться по Европе и тратить своё состояние на военные нужды чужой страны Анна Мария Луиза совсем не хотела. Несмотря на своё кокетство она была очень рациональной особой.

Мать Карла, королева Генриетта Мария, родная тётка Анны Марии Луизы, всячески старалась устроить этот брак и даже подтолкнула сына к ухаживанию за богатой невестой. Однако гордая принцесса в конечном итоге отказала Карлу. Когда спустя годы Карл II был восстановлен на английском троне, Анна Мария Луиза, по некоторым данным, пожалела о своём отказе, но была слишком горда, чтобы проявить это сожаление открыто. А Карл в качестве мести не стал вновь предлагать ей руку и сердце, женившись на португальской инфанте.

Ещё более амбициозные брачные проекты вертелись вокруг Анны Марии Луизы в тот период. Летом 1646 года овдовел император Священной Римской империи Фердинанд III, и 19-летняя Мадемуазель всерьёз вознамерилась стать новой императрицей. Она даже показательно принялась усердно посещать церковь, узнав о благочестии Фердинанда. Но её надеждам не суждено было сбыться – император предпочёл в жёны австрийскую эрцгерцогиню из ти-

рольской ветви Габсбургов. И это тоже было логично, ведь Габсбурги старались оставить богатство и земли внутри своей собственной семьи, потому женились на родственницах. А французская принцесса могла бы внести огромный дисбаланс.

Анна Мария Луиза была опечалена, когда выяснилось, что придворные от неё скрывали истинное положение дел и что её кандидатура даже всерьёз не рассматривалась. Неугомонная герцогиня Монпансье, жаждавшая королевского трона, не оставляла своих притязаний: некоторое время она лелеяла идею выйти замуж за своего кузена Людовика XIV, который был младше неё на десять лет. Но и этим планам не суждено было осуществиться – юный король не проявил интереса к старшей кузине.

Более того, всесильный министр кардинал Мазарини, сменивший Ришельё, по-видимому, был категорически против столь выгодного для Анны Марии Луизы союза. Как потом отмечали историки, Мазарини опасался, что любой её брак с сильным монархом или принцем сделает зятя Орлеанского дома слишком влиятельным и потенциально опасным для короля. Несмотря на то, что Орлеанская ветвь была к Бурбонам братской, между ними было постоянное соперничество. Бурбоны боялись, что Орлеанская ветвь когда-либо займет трон или бросит вызов нынешней власти. Спустя почти два столетия, 1830 году, так и случилось, когда на трон сел Луи-Филипп I, герцог Орлеанский.

Все эти неудачи только разжигали в душе Анны Марии Луизы обиду и бунтарский дух. Разочаровавшись в придворных интригах вокруг её замужества, Анна Мария Луиза обратила энергию в другое русло – она ввязалась в политическую борьбу на стороне оппозиции. В конце 1640-х годах Францию потрясла серия мятежей знати против регентства Анны Австрийской и кардинала Мазарини, известная как Фронда.

Отец Анны, герцог Гастон Орлеанский, постоянно плёл заговоры против королевской власти, и дочь во многом унаследовала его независимый нрав. В 1651 году 24-летняя Мадемуазель примкнула к Фронде принцев, встав на сторону своего двоюродного брата, принца Конде, против королевского правительства. Девизом Анны стало противостояние ненавистному Мазарини, которого она считала виновником всех своих несостоявшихся браков.

Активность Великой Мадемуазель в годы Фронды превзошла все ожидания современников. Она проявила себя не просто как сочувствующая принцам принцесса, но и как участница боевых действий.

В марте 1652 года Анна лично возглавила отряд, занявший для мятежников город Орлеан, после того как колеблющийся Гастон не решился туда отправиться. Когда городские власти Орлеана сперва отказались впустить её, опасаясь гнева короля, отважная принцесса нашла способ проникнуть за стены: по преданию, она добралась до городских ворот через

ров по сходням из лодок, после чего жители, восхищённые её настойчивостью, встретили её как героиню.

Но самым громким эпизодом стал её поступок летом того же года. 2 июля 1652 года, во время сражения при предместье Сен-Антуан под Парижем, Великая Мадемуазель поднялась на бастионы крепости Бастилия и приказала развернуть пушки крепости против королевских войск, чтобы спасти армию принца Конде от разгрома. По её приказу батареи Бастилии открыли огонь по королевской армии, прикрывая отступление мятежников в город.

Благодарный принц Конде признавал, что именно решительные действия кузины спасли его от гибели. Этот дерзкий шаг, равносильный вооружённому выступлению против самого короля, шокировал придворное окружение. Мазарини, услышав о выстрелах Бастилии, мрачно заметил: «Этот пушечный залп убил её отца», намекая, что Гастон Орлеанский поплатится за выходку дочери. Так и произошло – сразу после подавления Фронды королевский двор сурово обошёлся с бунтовщицей.

В октябре 1652 года, когда юный Людовик XIV вернулся в Париж, всех лидеров мятежа постигла кара. Великая Мадемуазель была выслана из столицы указом королевы-регентши, ей велели покинуть привычные апартаменты в Тюильри, где она жила с младенчества. Следующие несколько лет Анна провела в изгнании в своих провинциальных владениях, вдали от двора.

В вынужденной ссылке Анна Мария Луиза не теряла времени даром. Она обосновалась в своём замке Сен-Фержо и сумела создать там собственный небольшой двор. Герцогиня организовала первый литературный салон в своих краях: в просторных залах её замка устраивались спектакли и балы, полгода в году у неё жили музыканты и актёры. Постепенно вокруг опальной принцессы вновь собралась привычная светская атмосфера, только уже на новом месте.

Именно в годы ссылки Анна начала писать свои знаменитые «Мемуары» – она взялась за перо около 1656 года, будучи отлучённой от двора, и не оставляла эту работу почти тридцать лет. Её воспоминания, охватывающие события до 1688 года, впоследствии были опубликованы и стали ценным историческим источником, полным живых зарисовок придворной жизни XVII века.

В 1657 году Великая Мадемуазель купила графство Э в Нормандии – и попала в феодальное болото, где её ждали два миллиона долгов, крестьяне-рейдеры и леса, уничтоженные до пней. Формально это было прекрасное старинное владение, ранее принадлежавшее знатному дому Гизов. Но с виду крепкое поместье на деле оказалось разорённым, как поле боя. В 1654 году владелец графства, герцог Жуайёз, погиб при осаде Арраса. Его сын, Луи Жозеф де Лоррен, был ребёнком. Имение перешло под опеку трёх человек: тёти мальчика (мадемуазель де Гиз), её тайного мужа графа де Монтрезора и ещё одного доверенного.

Они быстро поняли: графство поглощено долгами и распилено по живому. С одной стороны, финансовые дельцы скупили долги по дешёвке и начали засыпать суды исками, арестовывая всё, что приносило доход. С другой – местные жители: деревни, аббатства, дворяне, лесничие, священники – вырубали леса под видом «древних прав» и не платили ни гроша. Один только лес, который должен был приносить половину дохода, был уничтожен подчистую: деревья вырезаны, кусты вытоптаны скотом. Даже лесники воровали. Один сторож честно попытался остановить кражу дров – и получил пулю в живот.

Опекуны писали в парламент: *«наш подопечный – ребёнок, у него нет ни влияния, ни поддержки, и его грабят со всех сторон»*. Платёжеспособный наследник без политической крыши – идеальная жертва.

Им нужен был кто-то, кто может выкупить долг за два миллиона франков, имеет силу, чтобы запугать местных, и статус, чтобы выиграть в суде.

И тогда вспомнили про Мадемуазель. У неё было всё: деньги, королевская кровь и власть. Сначала она была занята Фрондой, но в 1657 году, освободившись, вернулась к идее и согласилась. Сделка была адом для юристов: столько арестов, обременений и старых прав, что только к 1660 году парламент Парижа официально передал ей графство за 2 550 000 франков.

Что она получила? Хаос. Она прислала туда своего аген-

та – тот в ужасе рапортовал: всё, от крестьян до монахов, считают, что имеют право на лес, и режут его без остановки. Доходы тают. Сбор налогов – невозможен. Один крестьянин платит 2 курицы и 8 яиц, другой – треть гуся и четверть каплуна. Рыбаки отдают 100 сельдей, торговцы платят по оболу за кожаные товары. Всё – копейки. Местные не признают новых порядков.

Мадемуазель не растерялась. В 1661 году она официально вступила во владение. Устроила церемонию с пушками, фейерверками и знамёнами – чтобы знали, кто теперь хозяйка. Но быстро поняла: без королевской поддержки ничего не выйдет.

Написала Людовику XIV. Рассказала о погромах, угрозах, убитом охраннике и просила: запретить крестьянам держать оружие, разрешить её стражникам носить его, вернуть лесной страже право наказывать воров. Король дал всё. И с этого началось восстановление порядка. Она спасла лес, навела страх и прекратила грабёж. Что стало с тем мальчиком, чьим графством это всё начиналось? Его так и обворовали. Только в 1661 году парламент заставил кредиторов взять деньги и отстать. К этому моменту прошло 8 лет, а вместо наследства опекуны получили минус 150 000 франков.

Людовик XIV простил кузину-бунтарку лишь в 1657 году – спустя пять лет после окончания Фронды Анне Марии Луизе позволили вернуться ко двору. Однако блеск ее молодости уже померк. Ей было за тридцать, репутация – скан-

дальная, поэтому знатные женихи более не спешили выстраиваться к ней в очередь. Тем не менее королевская семья не оставляла попыток использовать Великую Мадемуазель в династических и политических целях.

В начале 1660-х года её подумывали выдать замуж за молодого короля Португалии Афонсу VI, который слыл инвалидом с умственными и физическими недугами. Людовик XIV всё ещё сохранял старые монархические принципы в отношении брака принцесс. Он рассматривал их просто с точки зрения политики. Согласно его принципу, чем выше положение человека, тем более подобает ему жертвовать своими собственными желаниями ради общественного блага. Мадемуазель имела честь быть его двоюродной сестрой.

Королю и в голову не приходило, что Мадемуазель когда-нибудь осмелится ему противостоять. Людовик XIV слишком сильно верил в доктрину божественного права королей. В 1662 году маршал Тюренн, выступая посредником, вдруг заявил Анне Марии Луизе, что король постановил этот брак для блага государства. Но Анна Мария Луиза совсем не хотела связывать себя узами браками с «глупым паралитиком», как она язвительно называла португальского жениха.

Говорили, что король Португалии не умеет ни читать, ни писать. Он вырывал волосы у тех, кто приближался к нему, и это было в его «хорошие дни», а в плохие дни он безразлично бил ногами, руками или мечом любого, кто досаждал ему. Его подданные больше не осмеливались проходить по ули-

цам ночью, потому что одним из его развлечений было внезапно нападать на них в «тьме и пытаться плюнуть в них».

Афонсу VI был толстым маленьким бочонком, парализованным на одну конечность, «обжорливым и грязным», почти всегда пьяным и плевавшим после еды. Он носил шесть или семь пальто одно на другое, среди которых «нижняя юбка из трехсот тафт» на голове капюшон, спускающийся на глаза, несколько шапок поверх него, одна из которых закрывала уши, и «английский чепец» поверх всего этого.

«Его тело ужасно пахнет, и у него всегда плохие язвы в более мягких частях, этого бы не было, если бы он не мылся один раз в день зимой и два раза в другие сезоны».

«По-настоящему прекрасное будущее: иметь пьяного и паралитического мужа, которого испанцы выгонят из его королевства, и вернуться во Францию просить милостыню, когда всё моё богатство растрачено, и остаться только королевой какой-нибудь маленькой деревушки. Хорошо быть мадемуазель во Франции с пятьюстами тысячами франков дохода и ничего не требовать от Двора. При таком положении вещей глупо переезжать. Если Двор надоест, можно удалиться в свой замок в деревне, в котором можно устроить свой маленький частный двор. Очень забавно также строить новые дома. Наконец, как хозяйка собственных желаний, ты счастлива, потому что делаешь то, что хочешь», —

ответила Анна Мария Луиза.

Мадемуазель, естественно, ответила отказом. Она заявила, что не намерена тратить свои богатства и жизнь на чужой неблагодарный народ, рискуя в случае политических неурядиц остаться ни с чем на чужбине. Анна Мария Луиза прекрасно отдавала себе отчёт, что во Франции к тому времени лишь ищут способ убрать её подальше и пристроить повыгоднее.

Её неповиновение разгневало королевскую семью и советников: за отказ выйти за португальского монарха Людовик XIV снова выслал непокорную кузину из Версаля на два года. Но лучше так, чем связывать себя узами браками с человеком, лишённого рассудка. Она отстояла своё право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Она одна из немногих, кто благодаря своему титулу и богатству, могла выступать против короля, следуя своей собственной судьбе, невзирая на порицание общества и придворных.

«Давайте избавимся от рабства, – воскликнула Мадемуазель. – Пусть на земле найдется хотя бы один уголок, где можно будет сказать, что женщины – сами себе хозяйка».

Одной из немногочисленных радостей Анны Марии Луизы во второй половине жизни стала дружба с единокровной сестрой Маргаритой Орлеанской, очень скандальной особой, и другими близкими по духу людьми.

Но главной её заботой оставалось всё-таки устройство

личной жизни – годы шли, а она так и не была замужем. Необычайный случай представился летом 1670 года, когда в результате скоропостижной смерти Генриетты Английской овдовел родной брат короля, герцог Филипп Орлеанский. На посту главной придворной дамы образовалась «вакансия», и сам Людовик XIV вскоре после похорон спросил у 43-летней Анны Марии Луизы, не желает ли она занять это место.

Казалось бы, блестящее предложение – стать женой другого кузена, второго по статусу человека в стране, да ещё и сохранить все свои богатства в семье. Когда Филиппу было 17 лет, а Анне Марии Луизе уже 30, то она действительно подумывала выйти замуж за кузена. Тогда он был ещё юн, наивен, и не было явных признаков расположенности к его компаньонам.

Однако в свои 43 года Мадемуазель де Монпансье проявила осторожность. Она знала, что герцог Филипп, её двоюродный брат, печально знаменит своими фаворитами-мужчинами и расточительным образом жизни. Когда от имени Филиппа Орлеанского к ней явился граф де Бёврон, приближённый герцога, и бесцеремонно пообещал поддержку Филиппа и его любимца шевалье де Лоррена, Анна Мария Луиза почувствовала оскорбление.

Ещё никогда «внучке Франции» не приходилось выслушивать одобрение на брак от какого-то графа и простого шевалье! Можно посчитать Анну Марию Луизу высокомерной особой, но всё же, она отвергла все предложения, которые

были невыгодны для любой женщины той эпохи! Псевдокороль из Англии, паралитик из Португалии, и кузен, окруженный мужчинами – все они были ужасным вариантом для женщины её статуса.

Но и помимо этого, она видела серьёзные препятствия. Первый брак Филиппа с Генриеттой был крайне несчастлив, всю власть над мужем тогда захватили его фавориты, и Мадемуазель не сомневалась, что в случае их брака та же участь постигнет её саму. К тому же при дворе сплетничали, что Генриетту отравил шевалье, фаворит Филиппа, а быть второй отравленной женой Анне Марии Луизе как-то не хотелось.

К тому же герцог уже намекнул, что интересуется, главным образом, её состоянием – он требовал гарантировать, что, если детей в браке не будет, все богатства Анны перейдут его потомкам. Это унижающее условие не сулило ничего хорошего.

Анна Мария Луиза, усмехнувшись, заметила, что странно вступать в брак, заранее не рассчитывая иметь детей. Вдобавок в её сердце уже зародилось чувство к другому. В итоге, выждав несколько недель, Великая Мадемуазель тактично дала понять Людовику XIV, что не заинтересована становиться новой женой Филиппа. К счастью, король ранее обещал кузине предоставить ей свободу выбора, и на том тема замужества с Филиппом была закрыта.

Анна Мария Луиза снова предпочла рискнуть всем ради

любви, вместо расчёта – это был смелый шаг для женщины её ранга.

Объектом своей запоздалой страсти Анна избрала далеко не ровню себе по положению.

Ещё около 1668 года при дворе появился ловкий гасконский дворянин Антуан Номпар де Комон, граф де Лозен, впоследствии получивший титул герцога де Лозена. Молодой офицер королевской гвардии был беден происхождением, но отличался остроумием и удалью. Поговаривали, будто именно он сумел развлечь Мадемуазель на одном из балов, когда остальные кавалеры наскучили принцессе. К 1670 году 43-летняя Анна Мария Луиза была по уши влюблена в этого человека, вопреки разнице в положении.

Она открыто назвала Лозена своим женихом и торжественно просила у Людовика XIV позволения выйти за него замуж. Такой мезальянс выглядел неслыханно: первая принцесса крови Франции и простой дворянин! Однако король неожиданно дал своё согласие. В Версале решили, что это лучшее решение: гораздо безопаснее, если неукротимая кузина соединит свою судьбу с человеком незнатным, чем с каким-нибудь сильным принцем, которому она могла бы передать все свои огромные владения. Узнав о воле короля, Анна Мария Луиза была на вершине счастья: в письмах того времени она называла дни помолвки с Лозеном лучшими днями своей жизни. Но радость длилась недолго. Не успели объявить о предстоящей свадьбе, как при дворе поднялась вол-

на возмущения.

Родственники короля и придворная знать были шокированы выбором Великой Мадемуазель. Многие сочли унижительным, что представительница королевского дома собралась взять в свои супруги какого-то выскочку. Даже сам Людовик вскоре начал сомневаться в правильности своего решения, поддаваясь давлению окружения.

Спустя лишь несколько месяцев, в декабре 1671 года, он внезапно отменил разрешение на брак и повелел арестовать Лозена. Невезучая невеста в одночасье потеряла и любовь, и надежду на семейное счастье. Антуана де Лозена без суда заточили в крепость Пиньероль, где он провёл долгие десять лет, а его отчаявшаяся невеста могла только писать ему письма и умолять короля о милости.

Анна Мария Луиза старалась не унывать. Год за годом она хлопотала об освобождении Лозена. Наконец в 1681 году ей удалось добиться милости короля: в обмен на свободу возлюбленного Анна Мария Луиза добровольно уступила огромную часть своих владений – передала в казну ряд земель и замков, включая княжество Домб, где герцоги Монпансье чеканили собственную монету. Эти земли позже были пожалованы одному из узаконенных сыновей Людовика XIV. Такой дорогой ценой она выкупила своего суженого. 50-летний Лозен вышел из тюрьмы, а 54-летняя Великая Мадемуазель, верная своему чувству, почти сразу тайно обвенчалась с ним, предположительно в конце 1681 года.

Казалось, любовь победила все преграды... Увы, эта сказка не получила счастливого продолжения. Освобождённый жених отнюдь не оценил жертвы невесты. В быту выяснилось, что герцог Лозен – человек крайне честолюбивый, грубый и вспыльчивый. Он ревниво оберегал свою самостоятельность и не собирался быть благодарным супругом.

Скоро стали поговаривать, что Лозен обращается с женой пренебрежительно, позволяет себе насмешки и откровенные измены. Анна Мария Луиза терпела некоторое время, пытаясь сохранить достоинство, но после нескольких унижительных выходок мужа её терпение лопнуло.

Спустя примерно три года после свадьбы она разорвала отношения с Лозеном, удалившись от него навсегда. Они стали жить раздельно, и больше Анна Мария Луиза не подпускала мужа к себе даже в последние дни жизни – по преданию, она отказалась видеть Лозена, когда он умолял о свидании у её смертного одра.

Оставшиеся годы Великая Мадемуазель провела спокойно, хотя и в одиночестве, гордо именуя себя «вдовствующей женой» собственных несбывшихся надежд. Она занималась литературой и благотворительностью.

Её мемуары, начатые в изгнании, завершились в 1688 году и были изданы после смерти, став популярными во Франции. Последнее десятилетие жизни герцогиня де Монпансье прожила в Париже. Ей было дозволено вернуться ко двору. Какое-то время она даже пребывала в милости, хотя преж-

него влияния уже не имела.

Анна Мария Луиза скончалась 5 апреля 1693 года в Люксембургском дворце на 66-м году жизни после продолжительной болезни мочевого пузыря. У неё была задержка мочи, появилась инфекция и интоксикация. Катетер бы спас ситуацию, но, увы, в прошлых веках его не применяли, из-за чего болезнь Мадемуазель переросла в уросепсис и почечную недостаточность.

Сен-Симон рассказывал, что во время отпевания урна с её внутренностями взорвалась от газов, распугав придворных. *«Даже после смерти кузина короля заставила всех разбежаться»*, – написал Сен-Симон.

Детей у Анны Марии Луизы не было, а брак фактически распался, поэтому умерла она незамужней и бездетной. Её колоссальное наследство унаследовал кузен Филипп Орлеанский, тот самый, жениться на котором она когда-то отказалась, и его потомки.

Анну Марию Луизу похоронили в королевской усыпальнице аббатства Сен-Дени под Парижем, рядом с предками. Во время Революции её могила, как и многие другие, была разорена мятежниками.

Имя герцогини даже вошло в обиход: во Франции и России небольшие разноцветные леденцы получили название «монпансье» именно в честь Анны Марии Луизы Орлеанской, которая, согласно легендам, любила угощаться такими конфетами при дворе Людовика XIII.

В Люксембургском саду в Париже установлена её мраморная статуя среди других великих дам французской истории – как напоминание о неукротимом характере принцессы, которая поставила личную свободу превыше дворцовых условий и не побоялась бросить вызов своему веку.

Маргарита Луиза Орлеанская

Маргарита Луиза Орлеанская родилась 28 июля 1645 года в замке Блуа в семье Гастона, герцога Орлеанского, младшего брата короля Людовика XIII, и его второй жены, принцессы Маргариты Лотарингской. По отцовской линии она приходилась внучкой королю Генриху IV и официально носила титул *petite-fille de France* – «внучка Франции». Детство Маргариты Луизы прошло вдалеке от королевского двора – её отец был выслан из Парижа за участие в мятежах периода Фронды и жил со двором в Блуа.

Образование девочка получила поверхностное, зато росла в компании именитых сестёр и фрейлин. Её старшей единокровной сестрой была знаменитая Анна Мария Луиза де Монпансье, «Великая Мадемуазель», о которой подробнее рассказано выше, и которая опекала младших сестёр и ввела юную Маргариту в свет придворной жизни.

Среди подруг детства Маргариты была, например, Луиза де ла Вальер – будущая фаворитка Людовика XIV. Они вместе росли и воспитывались в Блуа. Уже с юных лет принцесса проявляла независимый нрав и бунтарство, что выделяло её на фоне взыскательного французского раннего правления Людовика XIV.

В середине 1650-х годов для Маргариты Луизы нача-

ли подыскивать блестящую партию. Первым претендентом стал её двоюродный брат, герцог Карл Эммануил II Савойский, однако переговоры о браке сорвались. По словам самой принцессы, виноваты были дурные советы придворной дамы мадам де Шуази, которые та давала матери Маргариты. В итоге герцог Савойский предпочёл в невесты младшую сестру Маргариты Луизы – Франсуазу Мадлен, сочтя её более покладистой. Эта неудача сильно огорчила Маргариту Луизу.

Поэтому, когда в 1658 году поступило новое предложение – от наследника тосканского престола принца Козимо Медичи, она попросила сестру Монпансье содействовать свадьбе. Первоначально 13-летняя принцесса пришла в восторг от перспективы замужества, но вскоре разочаровалась: её сестра неожиданно передумала поддерживать этот союз.

Чувствуя себя обманутой, Маргарита Луиза отреагировала дерзким непокорством. Поведение принцессы стало вызывающим: она шокировала придворных, разъезжая без всякого сопровождения по Парижу в компании кузена, принца Карла Лотарингского, который вскоре сделался её любовником. Для женщины королевской крови такие вольности считались недопустимыми, и слухи о приключениях невесты распространялись при дворе. Тем не менее Людовик XIV и его советники не отказались от династического плана выдать Маргариту за Медичи.

Брак по доверенности между принцессой Орлеанской и

принцем Козимо был заключен 19 апреля 1661 года в присутствии французского двора. Однако и замужество не укротило нрав принцессы: в день, когда Маргарита должна была принимать поздравления от дипломатов, она попыталась сбежать с охотниками на охоту и была возвращена Великой Мадемуазель буквально с полдороги. Эти скандальные выходки молодой принцессы приводили в ярость королевских министров и испортили её репутацию ещё до отъезда из Франции.

Летом 1661 года Маргарита Луиза отправилась в Тоскану. Её путешествие превратилось в триумфальное шествие: для переезда принцессы в Италию выделили флотилию из девяти кораблей, а по прибытии невесты во Флоренцию 20 июня город устроил самые пышные празднества.

В свадебном кортеже насчитывалось свыше 300 карет, а великий герцог Фердинандо II, отец жениха, преподнес невестке в дар жемчужину «размером с голубиное яйцо». Казалось, ничто не омрачает начало союза между двумя знатными домами.

Однако за блеском церемоний скрывалось отсутствие всяких чувств между супругами. Современники отмечали полное равнодушие, с которым 16-летняя принцесса и 19-летний принц встретили друг друга при первой встрече. Курфюрстина София Ганноверская в своих мемуарах язвительно замечала, что молодожены делили супружеское ложе лишь раз в неделю.

Маргарита Луиза не скрывала, что находит мужа некрасивым, скучным и несхожим с собой по характеру. Уже через два дня после венчания она потребовала от Козимо передать ей все коронные драгоценности великого герцогства, на что получила отказ – формально супруг не имел права распоряжаться семейными ценностями. Добившись доступа к части украшений, своевольная герцогиня попыталась тайно вывезти их из Тосканы, но была разоблачена и остановлена свёкром, великим герцогом Фердинандо.

Потрясенный Козимо счёл поступок жены воровством, а Маргарита озлобилась на мужа, который не оправдал её ожиданий. Разлука с родиной и вынужденное расставание с возлюбленным кузеном Лотарингским только усиливали её ненависть. Между супругами сразу начались ссоры и скандалы: однажды в пылу гнева Маргарита Луиза даже пригрозила разбить бутылку об голову Козимо, если он немедленно не покинет её комнату.

Несмотря на неприязнь, долг перед династией Медичи приходилось выполнять. В 1663 году Маргарита родила сына Фердинандо, в 1667 году – дочь Анну Марию Луизу, а в 1671 году ещё одного сына, Джан Гастоне. Таким образом, она подарила мужу наследников. Тем не менее появление детей не сделало брак крепче. Маргарита была холодна с мужем и все заботы сосредоточила на старшем сыне, к которому привязалась больше всего.

В семье Медичи она чувствовала себя чужой. Принцесса

откровенно тяготилась жизнью во Флоренции: местный двор после утонченного и блестящего Версаля казался ей провинциально скучным и чрезмерно набожным. Маргарита демонстративно отказывалась следовать местным обычаям, не спешила изучать итальянский язык и держалась обособленно со своей небольшой французской свитой.

Её экстравагантные манеры шокировали окружение тосканского герцога. Она устраивала настолько роскошные приемы и банкеты, что расходы в десять раз превосходили траты самого Козимо. Свёкор, великий герцог Фердинандо II, упрекал невестку в расточительности, но безуспешно. Более того, Маргарита Луиза вызывала возмущение при дворе тем, что позволяла двум придворным конюхам свободно бывать в её покоях в любое время дня и ночи. Подобные двусмысленные ситуации подрывали её репутацию и давали повод говорить о распущенности герцогини. Но ей было всё равно.

Также принцесса не уживалась со свекровью – великой герцогиней Витторией делла Ровере. Две гордые женщины спорили о каждом вопросе придворного этикета и первенства. Маргарита требовала для себя высшего положения, полагающегося *petite-fille de France*, тогда как старая герцогиня стояла на традициях Медичи. Эти постоянные распри отравляли атмосферу флорентийского двора.

За несколько лет брак Маргариты Луизы и Козимо окончательно превратился в поле боя. Принцесса всё чаще выказывала неповиновение супругу и открыто искала пути вы-

рваться из неудобной для неё жизни. Еще в начале 1660-х годов она тайно писала письма ко двору Людовика XIV, умоляя помочь ей вернуться во Францию. Однако французский король, связанный союзными обязательствами, поначалу не желал вмешиваться в семейный конфликт.

В 1663 году во Флоренцию ненадолго приезжал двоюродный брат герцогини – принц Карл Лотарингский. После этой встречи, когда тосканская династия заподозрила возобновление любовной связи, надзор за перепиской Маргариты только усилился. Козимо стал перехватывать её письма и даже обратился к Людовику XIV с жалобой на неукротимый нрав жены, требуя призвать её к порядку.

Французский король ограничился тем, что в 1664 году прислал в Тоскану посредника – графа де Сен-Мема, для улаживания разногласий. Однако эта дипломатическая миссия провалилась: посланник, как и многие при французском дворе, проникся сочувствием к Маргарите Луизе и фактически поддержал её стремление вернуться на родину. Не получив желанной помощи, герцогиня пошла на открытый бунт.

Её поведение становилось всё более скандальным и провокационным. Маргарита старалась при каждом удобном случае унижить мужа. Она настояла, например, чтобы при дворе ей готовили только французские повара, заявив, будто опасается, что семейство Медичи пытается её отравить.

В присутствии папского нунция дерзкая принцесса и вообще называла Козимо «жалким женихом» или «никчемным

супругом». После подобных выпадов терпение тосканской стороны иссякло. Осенью 1664 года, после очередной крупной ссоры, Маргарита Луиза демонстративно покинула свои покои в палаццо Питти и отказалась возвращаться. Опасаясь бегства жены, Козимо перевез её из города в загородную виллу Лаппеджи под усиленной охраной – принцессу повсюду сопровождали 40 солдат и несколько придворных, следивших за каждым её шагом.

Изоляция в деревне на время остудила конфликт. В 1665 году Маргарита неожиданно пошла на перемирие с семьей Медичи и даже вернулась ко двору во Флоренции. Возможно, этому способствовало рождение в 1667 году долгожданной дочери Анны Марии Луизы. Но мир длился недолго. Вскоре после родов Маргарита тяжело переболела оспой. Болезнь, видимо, подкосила её силы и ещё более ожесточила характер. Козимо, хоть и заботился о жене, не спешил выполнять её желания. Когда в мае 1670 года умер великий герцог Фердинандо II, молодой Козимо III унаследовал тосканский престол, а Маргарита Луиза формально стала Великой герцогиней.

По традиции новых правителей, мать наследника должна была получить место в Тайном совете при дворе. Маргарита возлагала большие надежды на эту роль, рассчитывая приобрести политическое влияние. Однако её ожидания не оправдались: подстрекаемый матерью, Козимо III нарушил обычай и не пустил жену в государственный совет. Вместо

этого ей позволили лишь заниматься воспитанием старшего сына, что оскорбило честолюбивую принцессу. Это решение стало последней каплей.

Конфликт Маргариты с мужем и свекровью разгорелся с новой силой. Современники писали, что *«палаццо Питти превратился в обитель дьявола, с утра до полуночи оттуда доносятся лишь крики брани и звуки ссор»*.

Окончательно решив вырваться из несчастного брака, Маргарита Луиза пошла на хитрость. В начале 1672 года она написала двоюродному брату Людовику XIV письмо с просьбой разрешить ей лечение во Франции, уверяя, что серьезно больна – подозревает у себя рак груди. Французский король на этот раз проникся беспокойством. Он направил к кухне своего личного медика – доктора Аллио, лечившего покойную королеву-мать Анну Австрийскую.

План бегства под видом болезни, однако, провалился: врач сообщил, что опухоль у герцогини «вряд ли злокачественная» и посоветовал ей лишь подлечиться на термальных водах. Узнав, что хитрость раскрыта, Маргарита пришла в ярость. Наперекор мужу она стала открыто флиртовать с собственным поваром, устраивая с ним игривые шалости вроде шуточных подушечных боев на глазах у придворных. Эти сценки бросали тень на честь правящей семьи и вызывали новую волну злости у религиозного Козимо.

В надежде утихомирить супругу Козимо призвал на помощь давнюю наставницу Маргариты – мадам дю Деффан.

Ранее эта опытная гувернантка уже пыталась воздействовать на строптивый характер принцессы. Но чередой смертей в семействе Орлеанских задержала приезд Дю Деффан во Флоренцию почти на год. Пока старая гувернантка добиралась, Маргарита предприняла отчаянный шаг. Под благовидным предлогом паломничества она выпросила разрешение пожить в загородней вилле Медичи Поджо-а-Кайяно неподалеку от монастыря.

Оказавшись там в конце 1672 года, она наотрез отказалась возвращаться в столицу. Началось затяжное противостояние: почти два года великий герцог держал жену под негласным арестом в Поджо-а-Кайяно, не желая отпускать её во Францию, а Маргарита слала ему из своего уединения отчаянные письма с мольбами о свободе.

Людовик XIV предпринял ещё одну, последнюю попытку помирить Орлеанскую принцессу с тосканским герцогом, но безуспешно. Наконец Козимо смирился с неизбежным. 26 декабря 1674 года во Флоренции был подписан договор о раздельном проживании супругов. Маргарита Луиза получила официальное разрешение уехать в родную Францию и щедрое содержание – пенсию в 80 тысяч ливров в год.

Условиями соглашения было то, что принцесса поселится в монастыре Монмартра под Парижем и откажется от всех привилегий, которые полагались ей как дочери французского королевского дома. Сообщают, что, узнав о свободе, Маргарита пришла в неописуемый восторг. 12 июля 1675 года

она покинула пределы Тосканы, погрузив на корабль едва ли не всю обстановку виллы Поджо-а-Кайяно – мебель, ценности и утварь. Герцогиня цинично заявила, что не собирается начинать новую жизнь «без соответствующей обстановки». Так закончилось её бурное тринадцатилетнее пребывание во Флоренции.

Весть о бегстве великой герцогини Тосканской быстро долетела до Италии. Во Флоренции, как писали хронисты, новости об отъезде Маргариты Луизы встретили с «большим неудовольствием». Многие представители знати даже винили в случившемся самого Козимо III, полагая, что его суровый нрав и скупость выгнали супругу из страны. Сама же Маргарита по возвращении во Францию вовсе не думала каяться или вести уединенное монастырское существование.

Первые месяцы в аббатстве Монмартр она для вида посвятила благочестивым делам и милосердию, показывая себя примерной монахиней. Но очень скоро принцесса вернулась к прежним привычкам и пустилась во все тяжкие. Получив от Людовика XIV разрешение выезжать ко двору, несмотря на формальный запрет покидать монастырь по договору с мужем, Маргарита Луиза вновь окунулась в водоворот светской жизни.

Она расточала деньги на наряды и развлечения, появлялась на балах с вызывающе ярким макияжем и в экстравагантных жёлтых париках. Вскоре вокруг неё появились новые фавориты: сначала граф де Ловиньи, потом двое офи-

церов из Люксембургского полка. При дворе Версаля Маргарита снискала репутацию эксцентричной особы – вероятно, из-за сравнительно скромной свиты и непродолжительных визитов она выглядела беднее и свободнее других принцесс. Ей даже пришлось принимать в свою компанию людей незнатного происхождения, чтобы восполнить нехватку верных приближенных. Однако её гордый и скандальный дух никуда не делся.

Поведение беглой великой герцогини снова вызывало пересуды и головную боль у властей. Тосканский посланник маркиз Гонди регулярно направлял во французский двор ноты протеста, жалуясь на неподобающие выходки Маргариты Луизы. Но Людовик XIV сначала отмалчивался, а затем и вовсе перестал реагировать. Когда поток жалоб из Флоренции стал нескончаемым, король Франции заметил: *«раз уж Козимо отпустил свою жену во Францию, он тем самым утратил право вмешиваться в её дела»*.

Получив такой ответ, великий герцог смирился и прекратил следить за нравственностью супруги на расстоянии.

Известен интересный диалог короля с настоятельницей Монмартрского аббатства, принцессой Франсуазой Рене де Лоррен. Когда Людовик XIV осведомился у нее о правде очередного скандального романа Маргариты на этот раз с конюшим, мудрая аббатиса ответила: *«заговор молчания – единственное противоядие против разврата и бесчинств»*.

Похоже, этот принцип и объясняет, почему имя Марга-

риты Орлеанской почти не встречается в мемуарах той эпохи. Лишь из официальных донесений известно, что, получая сводки о поведении жены, Козимо порой впадал в ярость. Если какой-то поступок Маргариты особенно задевал его, он писал Людовику, требуя утихомирить её.

Но французский король больше не вмешивался в её судьбу. Сама же Маргарита не теряла боевого задора. Узнав в конце 1670-х годов от сына, что Козимо серьезно болен, она при всех придворных заявила: *«стоит только сообщить о смерти моего ненавистного мужа, как я мигом приеду во Флоренцию – изгонять всех ханжей и устанавливать новое правление»*.

Этим дерзким планам не суждено было сбыться: Козимо III не только поправился, но и пережил неугомонную супругу на два года.

В дальнейшем Маргарита Луиза постепенно остепенилась, хотя порой и напоминала о своём буйном нраве. Денег ей не хватало: хотя Козимо исправно платил назначенную пенсию, аппетиты герцогини были велики. В 1688 году, накопив долгов, она без стеснения написала бывшему мужу с требованием выслать ей крупную сумму – 20 тысяч крон. Козимо сперва проигнорировал просьбу, тогда Маргарита попыталась воздействовать через сына-наследника. Фердинандо любил мать и переписывался с ней, но послушаться отца не посмел и отказал ей в деньгах.

В конце концов великий герцог всё же оплатил долги же-

ны, а вскоре её финансовое положение улучшилось само собой – в 1696 году принцесса получила большое наследство от одного из лотарингских родственников. Тем временем в Монмартре произошли перемены. В 1682 году умерла старая настоятельница де Лоррен, которая многое снисходительно прощала строптивой Орлеанской принцессе, даже её угрозы как-нибудь сжечь обитель дотла.

Новая аббатиса, мадам д'Аркур, оказалась гораздо строже. Она не собиралась терпеть безобразия именитой послушницы и часто жаловалась на Маргариту её венценосному двоюродному брату и тосканскому супругу. В ответ Маргарита Луиза довела дело до едва ли не криминала: она грозила убить настоятельницу ударом топора или пистолета и даже сколотила среди монахинь целую клику против неё.

Чтобы избежать открытого скандала и крови, Козимо согласился на перевод жены в другой монастырь – Сен-Манде под Парижем. Условием было, что герцогиня получит на то особое разрешение французского короля и допустит назначенного Людовиком камергера в качестве надзирателя.

Маргарита сперва отказалась принимать такие условия, и тогда выплаты по её пенсии были приостановлены. Только вмешательство самого короля заставило её уступить. В начале XVIII века Маргарита Луиза переехала в аббатство Сен-Манде. Там к тому времени проживало несколько знатных женщин при монастыре, и Орлеанская принцесса постепенно влилась в их круг.

В Сен-Манде Маргарита словно переродилась. Постаревшая герцогиня больше не бросалась в крайности и даже занялась реформой нравов обители, которую в её свойственной манере называла «духовным борделем». Постоянно отсутствующую настоятельницу, ходившую, к слову, в мужском платье, она настояла удалить, а нарушающих дисциплину монахинь – перевести в другие монастыри.

Постепенно эксцентричные выходки Маргариты Луизы сошли на нет и перестали будоражить и Париж, и Флоренцию. На склоне лет с ней случилось несколько ударов: в 1712 году инсульт парализовал левую руку и часть лица герцогини, а в 1713 году смерть старшего сына Фердинандо довела её до второго удара, после которого Маргарита ненадолго теряла зрение и способность ясно говорить.

Оправившись, она окончательно посвятила себя благочестию и благотворительности. Регент Франции, герцог Филипп Орлеанский, её родственник, сын двоюродного брата, позволил пожилой принцессе приобрести собственный дом в Париже, на площади Вогезов.

Там Маргарита Луиза провела последние годы жизни, занимаясь делами милосердия и переписываясь со старой подругой – Елизаветой Шарлоттой Пфальцской, вдовствующей герцогиней Орлеанской, матерью регента. Маргарита Луиза Орлеанская скончалась 17 сентября 1721 года в возрасте 76 лет, пережив бурную молодость и обретя покой под конец пути. Она была похоронена в Париже, на кладбище Пикпюс.

Анна Женестьева де Бурбон-Конде, герцогиня Лонгвиль

Анна родилась 28 августа 1619 года в Венсенском замке близ Парижа – в тюрьме, куда её родители были заключены за сопротивление всесильному фавориту королевы-матери, Кончини. Её отец, Генрих II де Бурбон, принц де Конде, принадлежал к младшей ветви королевской династии Бурбонов, а мать, Шарлотта Маргарита де Монморанси, происходила из одного из старейших родов Франции.

Анна была единственной дочерью в семье и старшей сестрой двух принцев – Людовика де Бурбона, будущего Великого Конде, и Армана де Бурбона-Конти. Её детство прошло в отдалении от королевского двора: она получила строгое воспитание в парижском монастыре кармелиток. Впоследствии именно туда, в обитель на улице Сен-Жак, она вернется на склоне лет, замыкая круг своей жизни.

Юность герцогини была омрачена семейными драмами. В 1632 году за заговор против кардинала Ришельё был казнен её дядя по матери, герцог Генрих II де Монморанси, а три года спустя обезглавлен двоюродный дядя граф Франциск де Монморанси-Бутвиль, за нарушение запрета на дуэли. Эти семейные происшествия прекратили опалу семьи: родители

Анны помирились с королевской властью, и в 1635 году 16-летняя принцесса впервые вышла в свет. Её описывали как женщину с сияющими голубыми глазами, золотистыми локонами и горделивой осанкой.

Юная Анна быстро завоевала репутацию одной из самых блистательных и остроумных особ парижского высшего общества. Она стала звездой прославленного литературного салона мадам де Рамбуйе – центра изысканной светской жизни, где блистали лучшие умы Франции. Уже тогда в ней сочетались интеллект, образование и обаяние.

В поисках достойной партии для принцессы семья не спешила: предстояло найти жениха, равного ей по высокому положению и богатству. В итоге лишь в 1642 году 22-летнюю Анну выдали замуж за 47-летнего генерал-губернатора Нормандии Генриха II Орлеанского, герцога де Лонгвиля.

Этот знатный аристократ был вдовцом и происходил из побочной линии французского королевского дома – его род вёл начало от Жана Дюнуа, знаменитого бастарда Орлеанского, соратника Жанны д'Арк. Хотя дом Лонгвилей обладал королевской кровью и обширными владениями, включая княжество Невшатель, по возрасту и характеру Генрих де Лонгвиль явно не был парой темпераментной Анне. Их брак с самого начала оказался несчастливым и обречённым на провал.

Анна не пылала любовью к мужу, который годился ей в отцы, и вскоре после свадьбы между ними возникла пропасть.

Более того, отношения усложняла открытая вражда между герцогиней и дочерью Лонгвиля от первого брака – принцессой Марией де Немурской. Мачеха и падчерица соперничали за влияние и наследство. Внешне семейная чета поддерживала приличия, но реальной близости не было. Как это нередко случалось среди знати XVII века, отсутствие супружеской любви Анна восполнила на стороне – при дворе поговаривали, что молодая герцогиня вскоре после свадьбы завела себе фаворита.

В 1643 году брат Анны, молодой Людовик де Конде, одержал громкую победу над испанцами при Рокруа, став национальным героем. Таким образом, в первые же годы брака вокруг Анны сложились благоприятные обстоятельства: престиж дома Бурбон-Конде достиг апогея. Хотя, одна деталь омрачала её честь. Поговаривали, что Анна Женестьева питает к брату, принцу Конде, отнюдь не братские чувства. Якобы их сблизила запретная любовь. Многие аристократы охотно обсуждали эту пикантную деталь, другие же, напротив, понимали, что тень кровесмешения брошена на эту семью незаслуженно, а верить сплетням при французском дворе – последнее дело.

Герцогиня де Лонгвиль оказалась в самом центре придворной жизни и вскоре начала играть там заметную роль. Она не хотела оставаться на задворках мужской части своей семьи.

В 1648 году Анна сопровождала мужа на переговоры о

заключении Вестфальского мира. В Мюнстере блистательная герцогиня очаровала иностранных дипломатов настолько, что они прозвали её «богиней мира и согласия». Однако вскоре по возвращении из Мюнстера сама Анна подпала под чары привлекательного придворного. В Париже она познакомилась с 32-летним принцем Франсуа де Марсийяком – будущим герцогом де Ларошфуко, известным впоследствии мемуаристом и автором «Максим». Между ними вспыхнул бурный роман. Ларошфуко стал главным любовником герцогини де Лонгвиль и умело использовал эту связь для продвижения собственных интересов. По свидетельству самого Ларошфуко, он через Анну стремился влиять на её могущественного брата Конде, рассчитывая таким путем добиться для себя почестей и должностей. Фаворит буквально сделал любовь инструментом карьеры, а герцогиня не возражала – наоборот, она искала в страстном романе понимание и поддержку, которых не было в браке.

Роман герцогини де Лонгвиль с Ларошфуко стал предметом нескончаемых сплетен при дворе. Вскоре эта связь уже ничуть не скрывалась от общества, и даже муж Анны, герцог Лонгвиль, был вынужден мириться с ситуацией. В январе 1649 года, в разгар волнений в столице, 29-летняя герцогиня родила сына, которого называли Шарль-Пари. Отцом младенца считали Ларошфуко, однако Генрих де Лонгвиль великодушно признал мальчика своим законным наследником.

Роды произошли прямо в осажденном Париже, куда Анна бежала из Версаля. По легенде, она крестила новорожденного в городском Отеле-де-Виль, проще говоря в ратуше, взяв крестными родителями сам город Париж и горожан. Подобный символический жест еще больше прославил герцогиню в народе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.